

ГАРМОНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ренат Беккин

Я не встречал ни одного человека в Казани, который бы решительно ничего не слышал о Зуфаре абый. Но мало кто мог похвастаться тем, что встречался с ним. Это обстоятельство привело к возникновению жесточайших войн между сторонниками различных версий биографии Зуфара абый. Мужья покидали жен, сыновья оставляли отчий дом, работники требовали расчета у работодателя – и все это из-за Зуфара абый. Поговаривают, что иные дискуссии заходили столь далеко, что в дело приходилось вмешиваться компетентным органам.

Споры о том, кто же такой Зуфар абый, не утихали даже в период летних отпусков. Со временем интерпретаторы биографии Зуфара абый разделились на три партии. Одни утверждали, что никакого Зуфара абый никогда не существовало и что это не более чем плод больной фантазии татарских краеведов, другие клялись, что такой человек действительно жил в Казани, но не в наши дни, а в XVIII столетии и что был он подвергнут лютой казни по именному указу Анны Иоанновны за соращение в магометанскую веру трех крестившихся черемисов. Третьи, демонстрируя сомневающимся фотографию, на которой рядом с президентом Шаймиевым был запечатлен похожий лицом на расплывшего выхухоля в нахлобученных на нос больших круглых очках человек в коричневом берете, шепотом клялись, что это и есть «тот самый» Зуфар абый.

Пока одни зуфарабыйеведы обзывали других зуфарабыйеведов «манкуртами» и пригвозждали к позорному столбу за незнание истории собственного народа, человек по имени Зуфар абый, отдаленно напоминавший лицо, попавшее в кадр вместе с президентом республики, ни о чем не ведая, жил в типовой девятиэтажке на улице Эсперанто. Уличные сплетни мало занимали его: Зуфар абый заканчивал социологическую диссертацию с рабочим названием «Объективные и субъективные трудности, возникающие на пути людей, работающих над диссертацией», и все, что не было связано с темой его исследования, вызывало на его лице, которое и вправду при внимательном рассмотрении напоминало мордочку разъевшегося выхухоля, выражение беспредельного хладнодушия. Но даже в самые тяжелые минуты своей жизни Зуфар абый не допускал мысли о малейшем сходстве собственной физиономии с мордой какого-либо животного. Однажды студенты, желая задеть Зуфара абый, спросили его, как будет по-татарски выхухоль, тот бойко ответил: жофар. С тех пор студенты за глаза называли его Жофар абый.

Зуфар абый был строгим преподавателем, но молодежь верила ему. Его лекции по арабо-мусульманской философии не пропускали даже уборщицы. Не понимая смысла большей части прочитанного лектором материала, они в страхе и восхищении наблюдали, как утробистый Зуфар абый проворно перемещался по залу и подобно бесноватому

жрецу, закатив глаза, нечеловеческим голосом выкрикивал труднопроизносимые арабские слова и выражения. Зуфар абый был филологом по образованию, философом – по призванию и социологом – по решению диссертационного совета.

Каждый присутствовавший на лекции Зуфара абый ни минуты не сомневался, что это именно к нему лично обращает свои дивные певучие слова этот ласковый толстяк в очках и клетчатой рубашке, что это ради него одного организовано все это стройное магическое действо. Некоторые особо впечатлительные студентки на лекциях Зуфара абый забывались настолько, что представляли себя в домашней обстановке в коротком полупрозрачном халатике «для особых случаев» и лохматых домашних тапочках с песьими головами в натуральную величину. Поговаривают, что по прошествии известного времени они обнаруживали, что беременны. Впрочем, этим словам не следует верить. Зуфар абый был строгих нравов и не одобрил бы ничего подобного.

Коллеги Зуфара абый, если у них образовывалось «окно», также были не прочь скоротать время на его лекциях, чем вызывали недовольство студентов, которым приходилось освобождать с трудом завоеванное место в набитом мыслящими индивидуумами зале.

Как-то раз на лекцию Зуфара абый забрел старейший преподаватель университета – Револь Рэмович Бикмуллин. Он спутал лекционный зал с помещением профкома, куда он направлялся за путевкой в санаторий «Красный богатырь». Этот желтокожий лохматый старик с фиолетовыми губами и одним полузакрытым глазом начинал свою педагогическую деятельность еще до Финской кампании. В университет приходили молодые амбициозные преподаватели, насмехавшиеся над ним как над пережитком прошлого, не поспевающим в ногу со временем, на его глазах они превращались в беспомощные развалины и с почетом уходили на пенсию или в могилу. Сам же Револь Рэмович все эти годы продолжал трудиться доцентом на кафедре мертвых и исчезающих языков, обучая студентов языку древних шумеров. Уволить старика в «проклятые» девяностые и «жирные» нулевые не поднялась рука ни у одного из поспешно сменявших друг друга ректоров.

Еще каких-то двадцать лет назад лекции Револя Рэмовича пользовались не меньшей популярностью, чем выступления Зуфара абый, – на них перебивали люди со всей Казани и окрестных деревень. Нередко ответы на вопросы слушателей затягивались до позднего вечера: народ не хотел отпускать лектора – в стране была перестройка, и интеллигент на короткое время стал подлинным хозяином дум. Все искали ответ на вопрос: как жить дальше? И некоторым счастливицам удавалось найти его с помощью Револя Рэмовича.

В тот знаменательный день, когда Револь Рэмович ошибся дверью, он вошел в зал и, рассеянно шурясь, решил присесть передохнуть на пару минут. Ему без промедления освободили место в первом ряду. Но, присев, ветеран педагогического фронта очень скоро забыл о «Красном богатыре» с его грязевыми ваннами и душем Алексева. Происходившее в зале подхватило, закрутило его и не отпускало до самого «звонка», сообщавшего записанным на магнитофон петушиным криком об окончании пары. Когда Зуфар абый подошел к Револю Рэмовичу после лекции, чтобы поблагодарить за оказанную честь, тот, давась слезами, прошамкал: «Вот теперь наконец можно и умереть». Вскоре он и в самом деле умер. Говорят, что, достигнув пенсионного возраста, Револь Рэмович дал себе обет не покидать этот мир, пока не повстречает достойного преемника.

В отличие от студентов и коллег университетское начальство относилось к Зуфару абый с оскорбительным недоверием. С некоторых пор его считали опасным смутьяном и вольнодумцем. Причиной тому послужили слова Зуфара абый, которыми он завершил одну из своих лекций: «Я буду считать себя самым счастливым из живых существ на этой грешной и многострадальной Земле, если хотя бы часть присутствующих здесь выберет своим поприщем науку, потому что наука – это одна из немногих ниш, где можно укрыться от мерзостей нынешней жизни».

Слова эти, оказавшиеся цитатой из произведения какого-то французского философа, в несколько преувеличенном виде были доведены одной бдительной уборщицей до сведения «кого следует», и Зуфара абый немедленно потребовали к начальству.

Пока Зуфар абый шел к декану, он несколько раз громко чихнул. Но это не принесло ему облегчения. Когда Зуфар абый взялся обеими руками за непокорную дверную ручку кабинета декана, почему-то испачканную губной помадой, он в тот же миг почувствовал во рту неприятный привкус горечи, а под мышками у него закололо так, словно какой-то шутник зачихнул ему туда по еловой веточке с острыми кусачими шишками.

– Что вы имели в виду под мерзостями нынешней жизни? – спросил Зуфара абый декан. – Если вас что-то не устраивает, вас здесь никто не держит.

– Зря вы, Мансур Мифтахович, слова такие говорите уж, – Зуфар абый кокетливо поправил воротничок своей давно не стиранной клетчатой рубахи, снял очки и стал усиленно тереть их какой-то старой тряпкой, извлеченной из заднего кармана джинсов. – Как говорится, от одного коня пыли не бывает.

– Что вы этим хотели сказать? Выразитесь яснее.

– Я хотел сказать: какой от меня, отторгнутого обществом безумца-одиночки, может быть вред нашей, так сказать, альма матер?

– Вы находитесь в государственном учреждении, получаете от государства зарплату и позволяете себе двусмысленные высказывания! – по-бумажному красиво говорил Мансур Мифтахович.

– Я?! Что же это вы такое говорите, – суетливо отвечал Зуфар абый, пристраивая на свой выхухолеподобный нос очки. – Вы, пожалуйста, выводов поспешных насчет меня не делайте уж. Недаром говорят: «Кто поспешит, тот обожжется супом!»

– Какой, к черту, суп? Вы что вообще на лекциях студентам рассказываете? Надо будет прийти послушать.

– Мансур Мифтахович, для меня большая честь, если вы придете.

– Не сомневайтесь: приду. И мой вам совет: постарайтесь думать о том, что говорите.

– Благодарю вас, Мансур Мифтахович, – с серьезным видом произнес Зуфар абый, – это ваше последнее указание особенно ценно для меня. Я непременно учту его на своих лекциях...

Пощипывая себя пониже спины, вспотевший Зуфар абый поспешил прочь от декана, жутко довольный своей находчивостью. Декан и вправду его больше к себе не вызывал, а на ближайшую лекцию вместо себя («много чести ему будет») прислал свою секретаршу – пышнотелую крашеную брюнетку Зулю, страдавшую базедовой болезнью. Зуля вернулась в восторге с широко раскрытыми глазами, на вопрос декана, о чем была лекция, силилась что-то вывести губами, но вместо слова «перипатетизм» обхватила лицо руками и расплакалась.

– Вы не знаете... вы не знаете, что это за человек, – борясь со слезами, шептала она. – Вы не знаете, что это за человек...

Но декану было уже не до Зуфара абый, который выпал из его поля зрения подобно паршивой овце, которую бросили на произвол судьбы, когда на стадо напал волк. В роли санитаря леса выступила неожиданно нагрянувшая контрольная комиссия, проверявшая порядок расходования выделенных на написание научных монографий грантов. Исследователи получили деньги, освоили их, но никаких книжек не написали. Говорят, инициатором проверки был не кто иной, как Револя Рэмович, которого лжеисследователи опрометчиво не включили в число грантополучателей. Старик привык бороться с врагами народа и своими личными недругами старыми методами, опробованными им еще в конце тридцатых годов прошлого столетия.

К моменту окончания работы контрольной комиссии Револя Рэмовича уже не было в живых, иначе бы он узнал, что проректор по науке получил год условно, декан ушел по собственному желанию, которое было столь велико, что он даже не успел попрощаться с преподавателями и студентами, а секретарша Зуля отправилась в декретный отпуск, хотя не состояла замужем и не имела близкого друга.

Избавленный от позорного увольнения с волчьим билетом за неблагонадежность и профнепригодность, Зуфар абый продолжил неистовствовать на лекциях. Узнав от коллеги Шмуэля Марковича об уходе декана («декана-то нашего, Мифтаховича, выгнали к чертовой матушке»), Зуфар абый многозначительно произнес: «Будь проклята как белая, так и черная змея». Этой двусмысленной фразой он вызвал у некоторых преподавателей подозрения в своей причастности к низвержению нелюбимого всеми декана. Зуфар абый об этих домыслах вряд ли догадывался, а если и ловил на себе пытливые взгляды коллег, то не принимал их близко к сердцу. Он был занят диссертацией и еще тучей других дел, которые непосвященному могли показаться детской, ничего не значащей забавой.

Весь путь от дома до университета занимал не более пятнадцати минут, но Зуфару абый редко когда удавалось уложиться в это время. Причиной тому были многочисленные маленькие подвиги, которые Зуфар абый совершал, едва только оставлял порог своего жилища.

В пути Зуфару абый предстояло: страшным голосом напугать мальчишек, занимавшихся в пролете между третьим и четвертым этажами такими безобразиями, о которых совестно здесь говорить; замазать приготовленной накануне краской привычную почти для каждого казанского дома рекламную надпись «SEX» с указанием соответствующего номера телефона, по которому, впрочем, решительно невозможно было дозвониться; пририсовать маркером девушке, рекламировавшей сигареты на плакате, мешки под глазами и срывающиеся с ее силиконовых уст слова «Я болею раком, а ты?»; выкрикнуть в след школьницам, щеголявшим в слишком коротких юбках, несколько острых слов и услышать в ответ: «Пошел к черту, жирный ублюдок».

Все эти хлопоты отбирали у «жирного ублюдка» львиную долю времени, отпущенного на дорогу до университета. Когда Зуфар абый, шурясь, бросал взгляд на экран своего исцарапанного телефона, он с ужасом понимал, что до начала лекции остается пять минут, не больше. Не теряя времени на раздумья, он бросался напрямик. Переходить улицу

в неподобающем месте было для Зуфара абый такой же неотъемлемой частью ритуала подготовки к лекции, как издевательства над рекламировавшей сигареты девицей или покупка в ближайшей аптеке гематогена, которым он вознаграждал себя за совершенные подвиги. Зуфар абый был единственным обитателем Казани, которого милиция регулярно штрафовала за это невинное административное правонарушение.

Заслышав свисток гаишника, Зуфар абый недовольно ворчал: «Бежал от дыма, да попал в огонь». На вопрос, почему он нарушает правила, он обычно отвечал что-то вроде: «Я захотел перейти на другую сторону, потому что на этой стороне солнце, жарко и глаза болят». Гаишники смеялись, хлопали его по плечу и брали положенные сто рублей.

Все эти неприятные для любого другого человека эпизоды, случавшиеся с Зуфаром абый в пути, не только не доставляли ему какого бы то ни было огорчения, но, напротив, приводили в то бодрое состояние, которое не оставляло его на протяжении всей лекции. Без этих происшествий, возможно, не происходило бы того чуда, в результате которого неприметный и мало кому интересный очкарик Зуфар абый, отбросив свои не отпускавшие его в остальное время страхи перед «мерзостями нынешней жизни», превращался в исполина, несколькими фразами способного заставить людей и самого себя поверить в возможность достижения гармонии если не в мире, то хотя бы в отдельно взятом городе.

Зуфар абый верил, что человек только тогда может проповедовать другим гармонию, когда сам создаст ее – причем, не только в себе, но и вокруг себя. Зуфар абый был человеком, у которого слова никогда не расходились с делом, и потому он немилосердно противостоял любым проявлениям дисгармонии, всплывавшим перед его близорукими глазами как в рабочее, так и в нерабочее время. Каждая, одержанная им по дороге в университет маленькая победа над дисгармонией придавала Зуфару абый уверенности в тех словах, которые он некоторое время спустя произносил, подобно заклинаниям, перед огромной аудиторией.

Чудодейство под названием «Арабо-мусульманская философия» длиною в час двадцать способен был прервать только крик магнитофонного петуха. За порогом лекционного зала могучий волшебник превращался в среднего роста мужчину неопределенного возраста, ни блондина, ни брюнета, какого можно встретить в любом продуктовом магазине среди покупателей, которые, вместо того чтобы приобретать товар, придирчиво рассматривают белые груди кассирши.

После лекции вспотевший и опустошенный Зуфар абый, провожаемый возбужденными студентами, отправлялся на кафедру, где, попивая йеменский кофе, неторопливо обсуждал последние новости с коллегами по кафедре.

– Слышали новость, Зуфар абый? Говорят, скоро американцы на Иран нападут, – обращался к нему имевший привычку никогда не мыть за собой чашку Шмуэль Маркович.

– Не нападут уж, Шмуэль Маркович, уверяю вас: не нападут, – почесывая живот, отвечал Зуфар абый. – Кишка у них тонка. Иранцам главное – не поддаваться. Только они дадут слабину, и американцы непременно этим воспользуются. Как говорят в народе: «Если земля без владельца, то свинья заберется на холм».

– Как-как вы сказали? Свинья на холм?! – Шмуэль Маркович начинал содрогаться от хлипкого старческого смеха, самым натуральным образом переходившего в затяжной кашель.

Зуфар абый повторял пословицу, и оба преподавателя, сказочно довольные друг другом, шли в университетскую столовую. Здесь Зуфар абый заказывал за свой счет две порции нежных тефтелей с сухой гречневой кашей и компотом: для себя и для Шмуэля Марковича. У старика вечно не было денег: половину зарплаты он откладывал на собственные похороны, другая половина уходила на содержание девяностопятилетнего отца, не имевшего ни рук, ни ног. Пенсию же он не забирал годами, потому что боялся, что его убьют наркоманы, ошивавшиеся около почты. Чем крупнее становилась сумма на его пенсионном счете, тем страшнее Шмуэлю Марковичу было за ней идти.

Зуфар абый уважал Шмуэля Марковича за то, что тот когда-то, как он сам утверждал, помнил наизусть «Золотого осла» в оригинале. После трапезы, звучно икая, Зуфар абый покидал университет и известным путем возвращался домой, восстанавливая гармонию там, где она была нарушена за время его непродолжительного отсутствия.

Бывало, что Зуфар абый неделями не выходил из дома. Еда в его холодильнике была всегда в необходимом количестве – по крайней мере для непритязательного холостяка, занятого важным делом. Йогурт с чаем – на завтрак, пельмени – на обед, бутерброды с казы¹ – на ужин. Впрочем, ужина могло и не быть, если у Зуфара абый было плохое настроение.

Чаще всего многодневное затворничество Зуфара абый приходилось на студенческие каникулы, когда ему не нужно было идти в университет и по пути восстанавливать нарушенную гармонию. В такие дни Зуфар абый возлежал на продавленном диванчике, одну из сломанных ножек которого заменяли три из пяти томов «Философской энциклопедии», и часами подбирал нужные слова для названия очередного параграфа диссертации. Спешить ему было некуда: писать диссертацию он начал более десяти лет назад и все еще не мог утверждать, что работа близка к концу.

Если бы кто-то спросил Зуфара абый, зачем он пишет диссертацию, то он наверняка ответил бы следующее: «Каждому серьезному человеку необходимо иметь достойное дело. А научная работа есть наиболее достойное из всех существующих занятий».

Но и в науке сейчас нет прежней гармонии, полагал Зуфар абый. Необходимо все расставить по полочкам, чтобы каждая мышка знала свою норку.

За десять лет количество «полочек», «норок» и «мышек» в науке возросло, увеличилось и число страниц в диссертации. Но Зуфар абый все еще не был готов предъявить истомившемуся в жажде гармонии научному сообществу свой многолетний труд.

Временами ему казалось, что дело близится к завершению, но, не успев насытиться радостью, он вскоре с ужасом осознал, что в его работе не все так гармонично, как хотелось бы. Зуфара абый начинало душить отчаяние. В такие дни он сидел дома, слушал нашиды², отвечал на вопросы студентов в социальных сетях, и никакая сила в мире неспособна была заставить его даже сделать несколько неторопливых шагов вниз по лестнице до ближайшего мусоропровода.

¹ Казы – колбаса из конины у тюркских народов.

² Нашиды – мусульманские песнопения, исполняемые мужским вокалом без сопровождения музыкальных инструментов.

Когда друзья начинали волноваться и названивать Зуфару абый по телефону, он заперся в туалете и тихо плакал. Плакал и думал, что когда-нибудь он откроет утром глаза и ему будет так плохо или, наоборот, так хорошо, что он не захочет больше подниматься со своего ложа, а так и останется лежать до тех пор, пока его не заберет смерть. Все будут искать его, звонить по телефону, ломиться в дверь, а он будет лежать на своем диванчике холодный, одинокий, вонючий, утративший веру в гармонию. Представив себя умершим и разложившимся, Зуфар абый покрывался мурашками и начинал кричать во всю глотку так, что обитавший за унитазом паук принимался нервно труситься по своей сетке, вызывая презрение залетевших в это мгновение в уборную мух.

Зуфар абый голосил до тех пор, пока сверху, из дырки, образовавшейся вследствие отсутствия капремонта в доме, не доносился взволнованный немолодой женский голос: «Зуфар абый, вы опять плачете? А я вам перемячи испекла. Горяч-чие! Откройте дверь, пожал-ста!» Это была соседка сверху – Альфия апа, многие годы мечтавшая выйти замуж за Зуфара абый.

– Не открою! Я сыт! – кричал в ответ Зуфар абый и продолжал плакать, но уже не так громко.

– Я только на минуточку, страдалец вы мой! На одну только единственную минуточку.

– Я занят, вы, что, не слышите? – ворчал Зуфар абый.

– Слышу-слышу, Зуфар абый! Слышу, дорогой! Я тогда минут через десять зайду.

Ровно через десять минут в стальную дверь Зуфара абый раздавался стук: звонок уже несколько лет не работал. Никакие слова на отчаявшуюся женщину не действовали: раз в два дня Зуфара абый ждали горячие перемячи, изготовленные руками заботливой вдовушки.

Настойчивость Альфии апа поначалу вызывала в Зуфаре абый горячий протест, но вскоре он научился извлекать для себя пользу из своего непростого положения: перемячи Альфии апа были очень кстати в те дни, когда холодильник пустел, а выходить из дому не было никакого желания. Но, допуская подобную слабость, Зуфар абый не пересекал установленных им много лет назад границ дозволенного: ни одной женщине, за исключением близких родственниц, которые видеть не могли Зуфара абый, не разрешалось переступать порог его квартиры. Дерзнувших нарушить гармонию в жилище Зуфара абый ждало жестокое унижение и разочарование.

Альфия апа знала это и потому, постучав известное число раз в стальную дверь, оставляла поднос с перемячами на коврик у двери и быстро, насколько ей позволял ее возраст, который она скрывала не только от Зуфара абый, но и от своих четверых детей, уносила вверх по лестнице. Через минуту дверь отворялась, из нее высовывалась выхолообразная мордочка, и поднос с выпечкой исчезал. Когда Зуфар абый наполнял свой желудок, он заглядывал в туалет и довольным голосом возвещал о том, что поднос ждет свою хозяйку на прежнем месте.

Весь этот спектакль был рассчитан по секундам. Любая заминка могла привести к нежелательным последствиям и большим огорчениям. Однажды Зуфар абый замешкался в туалете, и обитавшая на лестнице кошка не только сожрала гостинец Альфии апа, но и нагадила прямо на поднос. Зуфар абый и раньше недолюбливал кошек, а с того случая они стали ему ненавистнее разговоров о еврейских корнях Солженицына, которые вся-

кий раз любил затевать Шмуэль Маркович, когда дело доходило до компота в университетской столовой. У Зуфара абый безо всяких интеллектуальных усилий с его стороны созрел хитроумный план возмездия...

На следующий день улыбающийся Зуфар абый вышел на лестницу и, почесывая пузо, медоточиво пропищал: «Кис-кис-кис!» В руке у него был внушительного размера кусок колбасы. Появившаяся откуда-то, то ли сверху, то ли снизу, кошка недоверчиво глядела то на Зуфара абый, то на колбасу, пытаясь уразуметь, в чем же подвох. Тогда Зуфар абый, утомившись от ожидания, метнул на пол розовый кусок «бумажного мяса», как называли в Казани вареную колбасу, и скрылся в квартире. Кошка, которая только этого и ждала, навалилась на угощенье...

Через полчаса ухмыляющийся Зуфар абый вытряхивал обмякшее, со всклокоченной шерстью животное под елкой в парке «Черное озеро». Сидевшие на пригорке бомжи жадно слотнули слюну. Сделав дело, Зуфар абый замурлыкал что-то наподобие: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...» – и поспешил прочь. У выкрашенной в розовый цвет двери заведения под названием «Сосиска-хана» на Карла Маркса Зуфар абый замер, затем, пробормотав: «Что вошло в желудок, то и есть прибыль», пригнул голову и проник внутрь. Здесь по большим праздникам Зуфар абый заказывал себе бизнес-ланч, состоявший из чечевичной похлебки, мелко нарезанной шавермы с салатом и кетчупом, и стакана кока-колы. Сосисок в меню заведения отродясь не было.

Когда Зуфар абый вернулся домой, у двери его квартиры расплзлась лужа, пахнущая чем-то гадко-кислым. Он быстро распознал знакомый запах.

– Проклятое животное! – прошипел Зуфар абый. – Верно говорят: «Кто жить не умел, того уж помирать не выучишь».

Откуда-то, то ли сверху, то ли снизу, ему ответило неуверенное «мяу»...

К вечеру Зуфар абый почувствовал себя скверно. Температура поднялась и не хотела спадать, холодильник нехотел опустеть, и Альфия апа как назло куда-то пропала. Неужели эта глупая женщина подумала, что это он, человек с высшим образованием, специалист по арабо-мусульманской философии, без пяти минут кандидат наук отплатил ей черной неблагодарностью и самолично напачкал на поднос? Какая же она после этого влюбленная в него женщина? Напрасно Зуфар абый голосил в туалете так, что было слышно не только в квартире Альфии апа, но во всем доме.

Через пару дней Зуфара абый хватились в университете. Студенты горячо обсуждали, что же случилось с их преподавателем. На звонки не отвечает, в «Контакте» и «Фейсбуке» не проявляется. По этому случаю после пар собрались в одной из аудиторий. Высказывались самые невероятные версии. Одна девушка даже предположила, что Зуфар абый покончил с собой.

– С чего ему вдруг кончать с собой? – спросили ее разом несколько голосов.

– Как с чего? Помните тот случай, с грантами, когда декан ушел? Говорят, это Зуфара абый рук дело.

– Нет, не может такого быть, – категорически возражали ей. – Он, конечно, правдолюб, но доносов писать не будет. А если даже это и он, то зачем ему убивать себя?

– Как зачем? От стыда. Он же хотя и борец, но гуманист в душе. Раскаялся и наложил на себя руки.

Другая, оживленно обсуждавшаяся версия сводилась к тому, что Зуфара абый покалечили хулиганы, которым он сделал замечание.

– Вы же знаете, он не только в университете, но и по улице не может спокойно пройти, чтобы не одернуть кого-нибудь, – сказал один студент. – Однажды на моих глазах Зуфар абый подошел к пьяному гопнику на Баумана и спросил его: «Зачем ты живешь, человечина?» Тот чуть не порвал его – хорошо, мы с ребятами рядом были, вмешались.

– Да, удивительно, что его еще до сих пор никто не замочил.

– Скажи: слава Богу!

– Слава Богу, конечно.

– Может, лучше навестить его? – неожиданно предложила Мухабат – невысокая кареглазая девушка, носившая мусульманский платок с одиннадцати лет.

– Какая интересная мысль! – обрадованно закричало сразу несколько мужских голосов. – Вот ты и сходи. Инициатива наказуема.

– Я бы сходила, но вы же знаете, что он не пускает к себе девушек.

– Тебя-то он пустит. Он же к тебе равнодушен.

Все сразу же вспомнили, как краснел Зуфар абый, когда Мухабат задавала ему вопросы на лекциях и семинарах, и принялись живо обсуждать сердечные привязанности своего любимого преподавателя. Все были уверены, что ради Мухабат известное правило Зуфара абый – не допускать в дом посторонних девушек – будет нарушено. Никто не заметил, как Мухабат покинула зал...

...Вечером того же дня маленькая девушка с большим рюкзаком стояла перед дверью известной читателю девятиэтажки на улице Эсперанто. В рюкзаке было две банки, одна – с медом, другая – с малиновым вареньем. Девушке пришлось ждать почти минуту, пока в домофон не раздалось кротко-заунывное «Кто это?».

– Зуфар абый, это я М-мухабат.

– Какая Мухабат?

– Ваша студентка.

– Я же просил передать эту... кто у нас сейчас вместо Зули... что занятия переносятся на следующую неделю. Болен я.

– Нам ничего не сообщили. Меня ребята прислали. Вам, может, нужно что?

– ... Нет уж, спасибо. У меня все есть.

– Может лекарство купить какое?

– Не надо никаких лекарств.

– Зуфар абый! – взмолилась Мухабат. – Откройте, пожалуйста! Я вам только передам кое-что, и все. Меня коллектив прислал, я не уйду!

Зуфар абый не любил, когда женщины плачут.

– ... Вы одна?

– Да.

– Нашли, кого присылать, – пробормотал Зуфар абый и открыл дверь в подъезд.

Пока Мухабат поднималась на восьмой этаж – лифт в доме летом не работал, – Зуфар абый несколько раз вспотел, будто это не Мухабат, а он карабкался в тот момент по лестнице. Мухабат действительно нравилась ему, она казалась ему одной из немногих девушек, в совершенстве владевшей искусством различения доброго и дурного, присущего, по мнению Зуфара абый, лишь барышням с традиционным деревенским вос-

питанием. Но допустить Мухабат к себе значило для Зуфара абый отказаться от одного из важнейших принципов, благодаря которому, как он полагал, он сохранил себя как вполне гармоничная личность.

– Нет, все-таки не стоит ее пускать уж, – рассуждал Зуфар абый. – Скажу, что у меня неприбрано. Да нет, ничего не скажу. Просто не пушу, и все. Почему я должен ей что-то объяснять?

Но находчивая Мухабат хорошо приготовилась к встрече. Не дав Зуфару абый произнести ни слова, она, тяжело дыша, затараторила: «Тут вас все потеряли. Профессор Павлов бегаёт по универу, кричит: «Погубили нашего Зуфара абый!» Собирается сегодня навестить вас, но мы с ребятами его отговорили, сказали, что сами ходим».

Услышав о профессоре Павлове, Зуфар абый закашлял и еще сильнее вспотел.

– Он точно не придет?

– Точно. Но он просил меня позвонить ему, если я не попаду к вам.

Зуфара абый было не так легко провести, но то ли слабость, вызванная болезнью, то ли страх перед профессором Павловым сделали свое дело: вместо того чтобы вежливо раскланяться с Мухабат, он тихо произнес: «Ну, заходите уж!»

Мухабат проследовала за Зуфаром абый в его квартиру.

Комната Зуфара абый напоминала скорее кабинет замдиректора какого-нибудь академического института, появляющегося на работе на пару часов по присутственным дням во вторник и четверг, чем место, пригодное для проживания сравнительно молодого еще человека. Всюду были книги: на полках, занимавших всю стену до потолка, на полу, на диване и под ним, на подоконнике, на балконе, на компьютере. Рядом с диваном возвышалась внушительная горка, состоявшая из разного размера коробок, в которых, как справедливо предположила Мухабат, также были книги. На полу были разбросаны исписанные листы бумаги. Некоторые из них были, кажется, заляпаны вареньем. На письменном столе рядом с компьютером лежал несвежий розового цвета носок и стоял наполовину пустой стакан с кефиром. В дальнем углу стояло чучело шимпанзе без одной нижней конечности – подарок африканских студентов. Над компьютером на стене висел ватман, на котором черным маркером было написано что-то по-арабски.

– Зуфар абый, хотите, я приберусь у вас? – вырвалось у Мухабат.

Но Зуфар абый так посмотрел на нее, что она тут же забормотала: «Ой, простите, я, кажется, глупость сказала».

– Давайте лучше на кухню переместимся, – вполне миролюбиво сказал Зуфар абый. – Там вкуснее пахнет.

– Я вам варенье принесла. Малиновое. И мед.

– Спасибо, – рассеянно сказал Зуфар абый. – Так что вы там говорили про Павлова? Он точно не придет?

– Точно, – улыбнулась Мухабат.

Профессор Павлов был известен в широких кругах как один из крупнейших в России специалистов по арабо-мусульманской философии, в узких же кругах у него была совсем иная репутация. Об этой, темной, стороне жизни профессора Зуфар абый стал догадываться, еще будучи студентом пятого курса. Павлов был его научным руководителем по диплому.

После триумфальной защиты диплома стараниями профессора Павлова Зуфар абый был зачислен в аспирантуру и принят на работу в университет. Теперь Павлов посчитал,

что вправе играть в жизни талантливого молодого человека более значимую роль, чем прежде. Он стал уже без всяких обиняков проявлять интерес к своему протеже, в том числе при посторонних, а однажды прислал ему надушенную женскими духами анонимку со следующими стихами:

Быть я хочу с тобой, милый,
рядом.
Давит тоска виски,
Грусть моя глубока...
Лишь одного боюсь,
Мой ненаглядный:
Ножны мои узки
Для твоего Клинка!

Зуфар абый сразу узнал почерк Павлова. Не вписывающиеся ни в какую гармонию «ножны» профессора потом еще несколько дней стояли у него перед глазами, мешая спать и принимать пищу.

Как действовать в такой ситуации, Зуфар абый не знал. Сделать вид, что ничего не произошло? Или показать эту записку на кафедре? Рассказать всем о недостойном поведении Павлова и публично осрамить его? Или же объяснить с самим Павловым что называется тет-а-тет? Но как сказать ему об этом? Зуфар абый уже хорошо успел выучить повадки своего учителя. Начнешь с ним говорить, а он закудахчет: «Да вы в своем уме молодой человек? Да что вы такое говорите? Да кто вы такой? Да как вы посмели. Да я...»

Устав от размышлений, Зуфар абый сел и принялся сочинять стихотворный ответ Павлову. Он испортил несколько листов бумаги, сгрыз две ручки, но ничего путного не придумал. Тогда Зуфар абый еще больше разозлился, схватил очередной лист и написал большими печатными буквами: «Старый похотливый ишак!» Он ходил несколько дней с этой запиской в кармане, но так и не решился подложить ее в лоток с документами Павлова на кафедре.

Все студенты знали о любви Павлова к Зуфару абый, но, встречая их вместе, старались прятать лица, чтобы не заржать и не обидеть тем самым двух солидных мужчин. Слышала об этой любовной истории и Мухабат.

– Вам варенье нравится? – спросила Мухабат Зуфара абый, когда тот поднес ложку ко рту.

– Ничего.

– Вы так похудели.

– Может быть. Я, можно сказать, только-только начал выздоравливать уж.

– Вот я и пришла, чтобы ускорить процесс вашего выздоровления...

Некоторое время они сидели молча. Зуфар абый то и дело поглядывал на чайник, словно ожидал, что он поможет ему подобрать нужные слова. Но чайник безмолвствовал.

– Мухабат, – наконец выдохнул Зуфар абый и принялся тереть мочку уха, – раз уж вы пришли, мне бы хотелось сказать вам одну вещь... Мне кажется, что нехорошо молодой красивой девушке, как вы, ходить одной.

– Не совсем понимаю вас, Зуфар абый.

– Ну, в смысле, нельзя такой девушке, как вы, долго оставаться незамужней. Столько соблазнов кругом... Когда один человек – это, видите ли, дисгармония, а когда два человека – это уже гармония. Как говорится: «Женщина без мужа, что конь без узды».

– Ну, какой же я конь?! Я так, пони необъезженная, – засмеялась Мухабат. – Рано мне, Зуфар абый. Я еще учусь.

– Учеба браку не помеха, а подмога.

– Может быть, но не в моем случае. Тем более что я пока не встретила человека, которого могла бы полюбить.

– Выбросьте все эти опасные штуки из головы, – замахал руками Зуфар абый. – При чем здесь любовь? Какие шайтаны заставили вас в это поверить? Брак и любовь – разные вещи уж. Брак, если хотите знать, – это социальный институт, семья – это ячейка общества, – еще мгновение, и Зуфар абый начал бы читать лекцию, но свисток чайника помешал ему сделать это.

– Не-е-т, – протянула Мухабат. – Без любви я не могу.

– Хорошо! – Зуфар абый ударил себя вспотевшими ладонями по коленкам. – А могли бы вы, скажем, полюбить человека, не очень красивого, но наделенного смекалкой, не очень приспособленного к жизни, но обладающего большим сердцем?

– Зуфар абый, вы про себя, что ли? – прямодушно сказала Мухабат и неприлично громко засмеялась.

Зуфар абый покраснел и поспешно поднялся.

– Вам черный или зеленый?

– Чай?.. Зеленый.

– Значит, я угадала? – не унималась Мухабат.

– Допустим...

– Знаете, мне еще ни разу не делали предложений, – восторженно верещала Мухабат. – Мне всегда казалось, что их делают в более романтической обстановке, а не так вот по-свойски, на кухоньке, за чашкой чая. А жених в домашнем халате. Хи-хи!

– Да, я понимаю уж, – медленно выговаривая слова, отвечал Зуфар абый. – Я очень даже вас понимаю. Конечно, вы бы хотели, чтобы вам сделал предложение мулат в белых брюках, с обнаженным торсом, где-нибудь на берегу Индийского или, в крайнем случае, Тихого океана.

– Зуфар абый, вы меня не так поняли! – потупилась Мухабат.

– Нет, я вас понял именно так, – сказал Зуфар абый. – Что касается кухоньки, как вы изволили сейчас сказать, то я вас к себе, напоминаю, не приглашал.

– Ах, значит, вот вы как! – Мухабат вскочила и поставила руки в боки: она хотела перевести все в шутку, но, похоже, было уже поздно. – Вот я сейчас обижусь на вас и уйду.

Мухабат ожидала чего угодно в ответ на свою невинную выходку, но только не прохладного «Идите», но именно это слово слетело с уст Зуфара абый.

– Вы это серьезно? – удивленно спросила Мухабат.

– Вполне. А вы разве нет?

На лице Мухабат образовались слезы. Она поспешила в прихожую.

– Мухабат, вы варенье свое забыли. И мед.

– Это вам, ешьте и поправляйтесь, – выкрикнула Мухабат и принялась возиться с замком.

– Давайте я вам помогу уж...

– Не надо! Я сама!

Мухабат наконец удалось открыть дверь. Прежде чем навсегда покинуть квартиру Зуфара абый, она остановилась на пороге и сказала:

– Вы до конца жизни будете один. Вы злой и самовлюбленный человек!

Дверь захлопнулась.

– Ну, вот: хотел бровь причесать, а выколол глаз, – подытожил Зуфар абый, сделал несколько шагов к дивану и упал, царапая руками спертый воздух своей то ли спальни, то ли читальни...

Пришел в себя Зуфар абый нескоро. Много привиделось ему, пока он пребывал в этом затянувшемся беспомыслии. В этом дивном бесчувствии Зуфар абый прожил свою жизнь так, как, возможно, и хотел бы прожить, если бы ему представился шанс. Были в этой жизни и любовь, и разочарования. Нашлось место и научным открытиям и зависти коллег. В этих снах не было шаливших на лестнице мальчишек, нехороших надписей на стенах, неприютных кошек и даже собак. Из всей всамделишной жизни Зуфара абый в его грезы просочились только бизнес-ланч из «Сосиски-ханы» и большею частью лунообразная Мухабат, которой он предлагал руку и сердце, а она, некоторое время помедлив, со слезами благодарности принимала его предложение.

Возможно, Зуфар абый так никогда бы и не вынырнул из бездонного источника грез, где безраздельно царствовал подлинный Зуфар абый, а не тот, чью маску он, сам того не осознавая, носил все это время, если бы не полный лысеющий мужчина в фиолетовом костюме с бульдожьими щеками, попытавшийся приподнять ему большим пальцем левой руки веко. Этим мужчиной был профессор Павлов.

– Смотрите, смотрите, он проснулся! – обратился Павлов к кому-то невидимому, расположившемуся у его изголовья.

– Как вы себя чувствуете, родной? – раздался над ним знакомый женский голос.

– А?.. Не знаю... Где я?

– В больничке, милай, – пропел Павлов и принялся поправлять загнутый краешек одеяла и схватил своей огромной влажной ладонью Зуфара абый за запястье. Зуфар абый с такой кротостью смотрел в глаза профессору, что тот, несмотря на сильное желание, великодушно раздумал щекотать больного под мышками.

– Зуфар абый, я вам тут перемячи принесла, – вновь раздалось над ним.

Вместо ответа Зуфар абый застонал.

– Спи, спи, дорогой, – я вам их на тумбочке оставлю. – Как захотите – скушаете.

– Говорил я вам, – зарычал на Альфию апа Павлов, – что не будет он есть ваши перемячи. Зуфарик, милай, я тебе варенье притаранил с дачи. Из лепесточков роз. Как ты любишь. Попробуешь ложечку? – Павлов потянулся за банкой, стоявшей на тумбочке. – Сколько раз звал его на дачу, ни разу не приехал, чертенок, – продолжал Павлов, обращаясь к Альфии апа.

Зуфар абый закрыл глаза.

– Ну не упрямясь, скушай! – Павлов безуспешно попытался раскрыть Зуфару абый рот своими влажными пальцами. – Тебе витаминчики сейчас нужны. Сил набирайся. Скоро мы с тобой такие дела творить будем...

Зуфар абый молчал.

– Ну что вы пристали к нему со своим вареньем? – возмутилась Альфия апа.

– А вы, женщина, не лезьте! – оскалился Павлов. – Вы кто ему: жена, мать?

– А вы кто? – не поддавалась Альфия апа.

– Я его старый друг, учитель, – гордо отвечал профессор.

– Странно, почему они спорят? – подумалось Зуфару абый. – Я же им ничего не завещал. Впрочем, они едва ли догадываются, что я скоро оставлю их...

Зуфар абый думал, что он покидает этот мир не так, как воображал себе множество раз, пугая своим плачем трусливого паука и сердобольную Альфию апа. Он уходит не одинокий, холодный, вонючий, а наряженный в теплую казенную пижаму в чистой, ярко освещенной комнате. А рядом с его постелью борются за его внимание два неприятных ему, но, кажется, всерьез влюбленных в него человека. Была ли в этом гармония или нет, Зуфар абый так и не смог решить.

Раздираемый сомнениями, Зуфар абый посмотрел на профессора Павлова.

– Вы «Йа син» знаете?

– Наизусть – нет. А зачем вам «Йа син»?

– Надо. Попросите Коран у дежурной. У нее наверняка есть уж. Нет, постойте!.. Зачем вы мне тогда написали эти гнусные стихи про ножны?

Павлов молчал, глядя на свои лакированные бежевые полуботинки, в которых он еще пару лет назад с легкостью отплясывал чечетку в клубе «Фараон».

– Молчите? Ну, ладно... идите уж.

Пока Павлов бегал за Кораном, Зуфар абый с улыбкой посмотрел на Альфию апа.

– Ну, вот видите... кому вы теперь перемячи печь будете?

Альфия апа заплакала и уткнулась своей крашеной в рыжий цвет шевелюрой в грудь Зуфара абый.

– Вам, дорогой вы мой, вам, ненаглядный! Кому же еще! Выздоровливайте скорее.

Зуфар абый взял Альфию апа за руку.

– Альфия апа, я давно хотел вам сказать. Надеюсь, вы не верите, что это я тогда... ну, испортил ваш поднос?

– Да что вы такое говорите, Зуфар абый! – воскликнула Альфия апа и сразу же отвела взгляд. – Конечно же, нет...

Зуфар абый продолжал глядеть на Альфию апа.

– То есть, сначала я... подумала об этом, – продолжала не столь уверенно Альфия апа, – но потом решила, что такой человек, как вы, Зуфар абый, на такое неспособен. Значит, это все-таки и вправду были не вы?! Слава Аллаху!

– Дура, – прошептал Зуфар абый.

Прибежал с Кораном под мышкой Павлов.

– Так, перестаньте тут миловаться, голубочки. Говорите, где ваша «Йа син». Какой порядковый номер?

– Тридцать шестая.

– Тридцать шестая, – поплеывая на свои и без того влажные пальцы, Павлов суетливо перелистывал страницы. – Тридцать шестая...

Обнаружив нужную главу, профессор принялся читать: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Йа син. Клянусь Кораном мудрым! Ты конечно, посланник на прямом пути...»

- Не тараторьте, – тихо произнес Зуфар абый. – Вы не на лекции.
- А у нас мама, когда папа болел, читала Аят Курси, – вмешалась Альфия апа. – А еще она поила папу намоленным чаем.
- Что за чушь вы сейчас говорите, женщина?! – бульдожьби щеки Павлова задрожали от гнева. – Какой намоленный чай? Это шаманство какое-то.
- Никакое не шаманство! Так наш хазрат делал.
- Дурак ваш хазрат! Дурак и осел!
- Да как вы... Что вы богохульствуете перед постелью умир... ой, больного, – закудахтала Альфия апа, потом вдруг осеклась и заплакала.
- Да кто вы такая? – брызжа слюной, профессор замахнулся на Альфию апа Кораном. Из книги на пол и на койку Зуфара абый полетели одинокие страницы.
- Пока они спорили, Зуфар абый улучил момент, перевернулся на другой бок и умер. Нет, он совсем не был похож на выхухоля! Скорее на рано повзрослевшего медвежонка, задремавшего в берлоге до следующей весны...